

И. Бодуэн-де-Куртенэ.

ЗАМѢТКА

ОБ ИЗМѢНЯЕМОСТИ

ОСНОВ СКЛОНЕНІЯ,

В ОСОБЕННОСТИ ЖЕ

ОБ ИХ СОКРАЩЕНІИ

В ПОЛЬЗУ ОКОНЧАНІЙ.

Оттиск из „Русск. Филолог. Вѣстника“.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1902.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 7 мая 1902 года.

Замѣтка объ измѣняемости основъ склоненія, в особенности же об ихъ сокращеніи в поль- зу окончаній.

По предложенію А. А. Шахматова я рѣшился принять участіе в сборникѣ, издаваемомъ в честь Ф. Ѳ. Фортунатова, и рѣшился тѣмъ съ большею охотою, что питаю искреннее уваженіе къ Филиппу Ѳедоровичу, какъ къ самостоятельному мыслителю, не только всю свою жизнь преданному наукѣ, не только обогатившему ее нѣсколькими крупными вкладами, но тоже способствовавшему своимъ вліяніемъ появленію цѣлаго ряда выдающихся ученых — его учениковъ. Глубоко сожалею, что, обреченный на своего рода каторжныя работы и по уши в нихъ завязшій, я, за недостаткомъ времени, лишенъ возможности представить нѣчто, вполне достойное какъ самого Филиппа Ѳедоровича, такъ и моихъ сотоварищей по сборнику.

Еще в 1870 г. я былъ допущенъ историко-филологическимъ факультетомъ Петербургскаго университета къ чтенію лекцій по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ в качествѣ приват-доцента. Думая, что мнѣ придется читать двѣ пробныя лекціи, я и принялся было за составленіе лекціи по собственному выбору, „объ измѣняемости основъ склоненія“. Но, такъ какъ я в то время былъ уже магистромъ сравнительнаго языковѣдѣнія, то факультетъ освободилъ меня отъ пробныхъ лекцій, начатая же составленіемъ лекціи осталась неоконченною. Теперь я извлекаю ее изъ цѣлой кучи начатыхъ и полуоконченныхъ работъ, которыхъ у меня в теченіе столькихъ лѣтъ набралось изрядное количество.

В то время мы были молоды и ожидали будущаго; теперь же озираемся в прошлое. Во мнѣ это обозрѣніе прошлаго возбуждаетъ горькое чувство. Какъ вслѣдствіе неумѣнія работать и сосредоточиваться, такъ и по обстоятельствомъ жизни, я размѣялся на мелкіе гроши и, вмѣсто чего нибудь цѣльнаго и заслуживающаго вниманія, сочинялъ какіе-то осколки и обрывки. Одинъ изъ такихъ обрывковъ предлагаю теперь вниманію снисходительныхъ.

Хотя я печатаю его в первоначальномъ видѣ, но все таки в разныхъ мѣстахъ измѣняю, сокращаю и дополняю, да кромѣ того замѣняю слогъ лекціи слогомъ статьи. — Время происхожденія статьи пусть извинитъ устарѣлость нѣкоторыхъ возвращеній, легшихъ въ ея основаніе.

Позволяю себѣ извѣстную вольность съ вѣншей стороны: свою статью печатаю безъ сров.

В связи с известными фонетическими процессами формы склонения и спряжения не остаются все одними и теми же, но подвергаются изменениям. Эти изменения состоят преимущественно в сокращении форм: формы сокращаются.

Вопрос: сокращаются ли только окончания или же и основы? Подвергаются ли изменениям одни только окончания, или же тоже основы?

По мнению большинства исследователей языка, можно говорить только об истории окончаний, основы же все не развиваются. Это мнение является естественным выводом из предположения, что основы, раз сложившись, раз сформировавшись так-то и так-то, были затѣм, на подобие каких-то окаменѣлостей, брошены куда то внѣ человека, без всякой связи с мыслительною способностью.

Слѣдовательно, если, напримѣр, в предполагаемом первобытном языкѣ аrioевропейском существовали основы на гласные -а, -і, -и, то онѣ должны быть принимаемы и до самаго поздняго времени во всѣх языках, являющихся продолженіем этого первобытнаго аrioевропейскаго, — и это вопреки всевозможным изменениям, вопреки тому, что в иных случаях нетолько от этих -а, -і, -и ни слѣда не осталось, но и никакого окончанія не существует. Так, напримѣр, хотя прааrioевроп. *varka-s*¹⁾ перешло со временем в русск. *volk* (*волк*), но все же таки и в *volk* продолжается та же первобытная основа *varka* или же, в крайнем случаѣ, *volka*.

Вот перед нами сѣдой человек, но мы знаем, что он был когда-то брюнетом, и поэтому, вопреки очевидности, мы все еще считаем его брюнетом. А что же мы бы сдѣлали, еслиб увидали его в первый раз и вовсе не знали, что он был брюнет? Мы бы преспокойно сказали, что он

---

¹⁾ Прошу не забывать, что это было составлено в 1870 г., во времена неограниченнаго господства ученія о трех первобытных гласных, а, і, и, ученія, легшаго в основаніе Шлейхерова *Compendium*'а.

или брюнет, или блондин, или рыжій, или нѣчто в этом родѣ, но уж никак не сѣдой. Также точно то или другое существительное, стоящее особняком, напримѣр, в славянских языках, не может быть приведено в ясную связь ни с основами на *a*, ни с основами на *u* и пр., но мы все таки навязываем ему гласную (вокальную) основу *и*, не зная подробностей, допускаем возможность в этом существительном или *a*-основы, или *u*-основы, или *i*-основы, или *ja*-основы или т. п.

Перед нами лысый господин, но мы не признаем того, что он лысый *и*, так как он в молодости отличался прекрасными густыми волосами, то он и теперь считается нами густоволосым красавцем.

У каждаго человѣка в продолженіе извѣстнаго времени в період его эмбриологическаго развитія был маленькій хвостик, который послѣ собрался и наконец исчез, оставив только незамѣтный рудимент; мы же, в силу того же міросозерцанія, по которому основы на *-a*, *-u*, *-i* живут до сих пор в славянских и других аrioевропейских языках, описывая человѣка, утверждаем, что у него хвост, правда, маленькій, но все таки хвост.

Американскіе хозяева из обычной рогатой породы коров произвели новую, безрогую породу; тѣм не менѣ послѣдователю теоріи неизблемых основ на *-a*, *-i*, *-u* и на головах этих коров будут мерещиться длинные рога.

В каком-то мѣстѣ земного шара появилась гора, прежде там не существовавшая, в другом мѣстѣ бывшая там гора исчезла, в третьем мѣстѣ море замѣнилось сушей, в четвертом, наоборот, суша морем; глазу послѣдователя теоріи неизмѣняемых основ на *-a*, *-i*, *-u* в первом мѣстѣ представляется по прежнему равнина, во втором все та же гора, в третьем море, в четвертом суша.

Что же мы бы сказали о біологах и геологах, которые таким образом смотрѣли бы на разбираемые ими предметы? А вѣдь у поклонников теоріи неизблемых основ на *-a*, *-i*, *-u* точ в точ такая же логика.

Какая же причина такого упрямого исповѣдыванія этой теоріи? Какая сила не позволяет ей поклонникам отнестись критически къ избитым, условным, мнимым истинам и стать на эволюціонную точку зрѣнія, единственно вѣрную в науках біологических и соціологических?

Чтобы отвѣтить на этот вопрос, мы оставим на минуту языковеденіе и перенесемся в область психологіи.

Основатели сравнительной грамматики начали изучать аріоевропейскіе языки с санскрита, и даже, собственно говоря, в самом началѣ исторіи науки — слѣдовательно, не так давно — они занимались не равноправным объясненіем строя всѣх языков аріоевропейских, а просто сравненіем их с санскритом, при чем на явленія прочих языков они глядѣли через санскритскія очки и подгоняли их под санскритскія категоріи. Занимаясь же санскритом, они нашли, с одной стороны, в самом языкѣ основы на -а, -і, -и, хотя тоже далеко не выдержанныя, с другой же стороны, в индійской грамматической литературѣ, — что гораздо важнѣе, — ученіе об основах на -а, -і, -и и пр. Итак, если в санскритѣ жили эти основы, то онѣ тѣм самым должны быть, по мнѣнію сравнительных грамматиков, и во всѣх прочих языках аріоевропейских. Эту теорію стали усваивать себѣ послѣдователи основателей сравнительной грамматики, а извѣстно, как сильно бывает вліяніе того, что человекъ слышит или читает в началѣ своих занятій извѣстным предметом. Не будь учителей чтенія, которые не в состояніи отличать звуки от букв, не было бы впоследствии такого множества грамматиков, даже пользующихся извѣстностью и почетом, которые самым безалаберным образом смѣшивают звуки и буквы, грамматиков, для которых, напримѣр, русское *ш* есть простой согласный, *я* — мягкій гласный, *з* и *ъ* полугласные и т. п.

Еслиб, с одной стороны, не было внушенія со стороны индійских грамматиков, еслиб с другой стороны, сравнительная грамматика аріоевропейских языков началась с изученія, напримѣр, языка латинскаго, греческаго

или же славянских, и в особенности еслиб у Греков, Римлян и Славян нашлись такіе знаменитые труды по части морфологіи языка, как у древних Индійцев, то не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ ученые, которые теперь с таким жаром защищают основы на -а, -і, -и во всѣх аріевроп. языках, не видѣли бы их не только у себя дома, но даже ни в санскритѣ, ни в предполагаемом аріевроп. праязыкѣ. Такова сила внушенія и привычки. Кто-то сказал, что одним из самых сильных побужденій человѣческих дѣйствій является лѣнь. Отчего же не объяснить лѣнью и упрямства, с которым ученые придерживаются основ на -а, -і, -и во всѣх аріевроп. языках? Вѣдь это так удобно в раз принятія или выработанныя рамки втискивать всѣ новыя явленія: uniformitas прежде всего; на всѣх солдатах мундир одного покроя и одна и та же безсмертная каска!

Я полагаю, что всякій предмет нужно прежде всего изслѣдовать сам по себѣ, выдѣляя из него только такія части, какія в нем дѣйствительно имѣются, и не навязывая ему из внѣ чуждых ему категорій. В области языка объективным руководителем при подобных научных операціях должно служить чутье языка и вообще его психическая сторона. — Ссылаюсь же я на чутье языка потому, что для меня оно не есть какаѣ-то выдумка, не есть какой-то субъективный самообман, но фактъ дѣйствительный и вполне объективный. Чутье каждаго языка может открыть и понять и иностранец, точнѣе иноплеменник, если только он изучит этот язык, как слѣдует, если он обладает достаточным знаніем фактов и научною сообразительностью и, наконец, если его голова свободна от навѣянных преданіем предрасудков.

При таком взглядѣ на сущность языка основы или темы склоненія являются не какими то фикціями, витающими в туманной атмосферѣ праязыка, не застывшими в своей неподвижности отголосками золотого вѣка языковой жизни, но живыми частями склоняемых и спрягаемых слов, составляющими необходимое условіе настоящей

флексіи до тѣх пор, пока она окончательно не выведется из языка, уступая мѣсто неподвижным в своем составѣ, сросшимся в одно нераздѣльное цѣлое и морфологически недѣлимым словам, — каковыми становятся на так называемой „аналитической“ ступени развитія языка всѣ прежде съюзяемыя и спрягаемыя слова.

Если всѣ изслѣдователи соглашаются, что основы, вмѣстѣ с другими морфологическими частями слов, замирают в языках вторичных или „аналитических“, то зачѣм же отвергать возможность их развитія и перерожденія в языках первичных, на подобіе развитія и перерожденія корней, суффиксов и окончаній?

Затѣм, если приверженцы теоріи неподвижных, деревянных основ допускают, все таки, с одной стороны, замѣну в извѣстных существительных „согласных“ основ основами „гласными“, і-основ и и-основ а-основами, с другой же стороны, фонетическое разнообразіе однѣх и тѣх же основ (напр., различеніе хотябы на санскритской почвѣ основ сильных, средних и слабых), то отчего же они так возстают против возможности сокращенія конца основ и исчезновенія свойственных им когда то их конечных гласных -а, -і, -и, как их характеристических признаков?

В силу выше изложенных соображеній мы должны согласиться, что основы или темы, как и все остальное в языкѣ, подвергаются постоянным измѣненіям, и именно измѣненіям двоякаго рода: чисто фонетическим и измѣненіям под вліяніем аналогіи. Благодаря этим измѣненіям, бывшія когда-то основы на -а, -і, -и и т. п. (прочность которых, впрочем, не выдержана даже в санскритском языкѣ), лишились в славянском и других языках аrio-европейских своих конечных гласных и развились в чисто согласныя, болѣе краткія, основы, фонетическіе же продолжатели их нѣкогда конечных гласных, вмѣстѣ с фонетическими продолжателями древних окончаній, служат в славянском, точно также как и во всѣх прочих первичных языках аrio-европейских, простыми окончаніями, выражающими разныя надежныя связи и отношенія.

Это сокращеніе основ в пользу окончаній должно было начаться еще в аріоевропейском праязыкѣ, именно в тѣх случаях, когда конечному гласному основы пришлось сталкиваться с начальным гласным окончанія и сливаться с ним в один долгій гласный. Так напримѣр, навряд ли можно видѣть гласную а-основу в Abl. sing. m. n. на -ād или -āt (санскр. -āt, лат. -ōd, литов. -o, слав. -a) и в других подобным образом сложившихся падежах. В этих случаях уже в праязыкѣ произошло сокращеніе основ в пользу окончаній и развитіе болѣе краткаго вида основы, простиравшейся только по послѣдній согласный вѣлочно.

Исторію развитія основ склоненія существительных от праарійскаго состоянія до новѣйшаго состоянія, напримѣр, славянских языков можно представить приблизительно в слѣдующем видѣ:

Древнѣйшему предполагаемому періоду, періоду прааріоевропейскому, были свойственны двѣ группы основ:

I. основы с конечными гласными и дифтонгами.

II. основы, оканчивавшіяся согласными.

I-я группа была гораздо богаче, как численностью принадлежавших к ней слов, так и разнообразіем составивших ее типов. Главные составлявшіе ее типы были:

1. Основы с конечным -ā (а долгим) (жен. и отчасти муж. рода).

2. Основы с конечным -ă (а кратким) или -e || -o (муж. и средн. рода).

3. Основы с конечным -u или -u || -eu || -ou (всѣх трех родов, с преобладаніем на сторонѣ мужескаго).

4. Основы с конечным -i или -i || -ei || -oi (тоже всѣх трех родов, но с преобладаніем на сторонѣ женскаго).

Типы 3. и 4. составляли переход ко II-ой главной группѣ основ, основ с конечным согласным.

Конечные гласные типов 1-го и 2-го сочетались с предшествовавшими им согласными, или „твердыми“, т. е. не-палатальными, или же с согласным j (являвшимся или отдѣльно, или в соединеніи с другим предшество-

вавшим ему согласным). Это различіе чрезвычайно важное особенно при переходѣ прааріоевропейскаго состоянія в состояніе праславянское, так как, сообразно с природою предшествующаго согласнаго, один и тот же гласный развѣтвился на два гласные.

II-я главная группа основ склоненія прааріоевропейскаго языка представляла собственно один только тип, и к ней принадлежали существительныя всех трех родов. Но при переходѣ к состоянію отдѣльных аріоевропейскихъ языков от этого типа остались только нѣкоторыя частныя образованія; так напримѣр, при переходѣ к славянскому языку: основы, оканчивавшіяся на -ū || -ŭv (жен.), -er || -r (-ter || -ter) (жен.), -men || -mn (муж. и ср.), -as (-es || -os) (средн.).

Переход от прааріоевропейскаго состоянія к состоянію праславянскому ознаменовался двумя фонетическими процессами, отразившимися, между прочим, в склоненіи. Одним из этих процессов было вліяніе согласнаго j на измѣненіе слѣдовавших за ним гласных, вліяніе, благодаря которому 1. и 2. типы склоненія I-ой главной группы распались на два отдѣла, а) и б). Вслѣдствіе этого явились гласными окончаній:

в отдѣлѣ а:

в отдѣлѣ б:

o.....	e
·й (ь).....	і (ь)
у (ы).....	е (а)
ē (ѣ).....	ī

и т. д.

Другим фонетическим процессом, ознаменовавшим переход от прааріоевропейскаго состоянія к состоянію праславянскому, было исчезновеніе всех согласных с конца слогов и появленіе фонетическаго строенія слов, состоявшаго из одних только открытых слогов. Благодаря этому процессу, конечныя согласныя окончаній исчезли; а так как не исчезла потребность выражать надежныя отношенія с помощью окончаній, то и произошло окончательное

сокращеніе всѣхъ основ, такъ что основы стали оканчиваться послѣдними согласными прежнихъ основ, гласные же, слѣдовавшіе за этими согласными, отошли къ окончаніямъ. Такимъ образомъ произошло *поголовное сокращеніе основ в пользу окончаній*, состоявшихъ в то время или из одной только части прежнихъ основ, или же из такой же части прежней основы в сочетаніи с фонетическимъ продолженіемъ прежняго окончанія.

Но оба эти фонетическихъ процесса вызвали морфологическіе перевороты только в первой главной группѣ типовъ склоненія, в группѣ, восходящей къ прааріоевропейскимъ гласнымъ основамъ (-а, -и, -і ...), при чемъ первымъ изъ этихъ процессовъ было обусловлено появленіе новаго распределенія типовъ только в 1-омъ и 2-омъ отдѣлѣ I-ой группы, тогда какъ второй процессъ (исчезновеніе согласныхъ с конца слоговъ и упроченіе однихъ только открытыхъ слоговъ) отразился на морфологическомъ характерѣ всѣхъ четырехъ отдѣловъ первой группы. Во второй группѣ, в группѣ прааріоевропейскихъ согласныхъ основъ, произошелъ, конечно, тоже фонетическій процессъ исчезновенія согласныхъ с конца словъ, но безъ какихъ-бы то ни было морфологическихъ послѣдствій.

И вотъ в праславянскомъ состояніи, отразившемся болѣе или менѣе вѣрно еще в древне-славянскихъ памятникахъ, мы имѣемъ слѣдующіе главные типы склоненія:

I. В первой группѣ вмѣсто четырехъ прежнихъ типовъ появилось теперь цѣлыхъ шесть:

1а, т. е. типъ, продолжающій собою типъ 1. прааріоевропейскаго состоянія с послѣднимъ согласнымъ „твердымъ“. Признаками этого типа являются: Nom. s. -а, Ab.-Gen. s. -ŭ (ы); вообще всѣ вновь сложившіяся окончанія начинаются с гласныхъ, то не-небныхъ (а, о, ѱ, ѱ̄, ŷ, а), то небныхъ (е, і, ё).

2а, т. е. типъ, продолжающій собою типъ 2. прааріоевропейскаго состоянія, тоже с послѣднимъ согласнымъ „твердымъ“. Признаки: Acc.-Nom. s. m. -ŭ (ъ), Acc.-Nom. s. n. -о, Ab.-Gen. s. -а; вообще всѣ окончанія начина-

ются с гласных, или не-небных, или небных, как в типъ 1а.

1б. продолжает собою тип 1. прааріоевропейскаго состоянія с послѣдним согласным основы j. Признаки: Nom. s. -а, рѣдко -ī (и), Ab.-Gen. s. -е (л); окончанія начинаются с гласных или не-небных (а, а, и), или же небных (ī, ĭ, е, е), при чем эти небные гласные нѣкоторых окончаній произошли из прежних не-небных под вліяніем предшествующаго j.

2б. продолжает тип 2. прааріоевропейскаго состоянія с послѣдним согласным основы j. Признаки: Acc.-Nom. s. m. -ĭ (ь), Acc.-Nom. s. n. -е, Ab.-Gen. s. -а; окончанія начинаются с гласных не-небных или небных, как в типъ 1б.

Тип 3., продолжающій тип 3. прааріоевропейскаго состоянія. Признаки: Nom. s. -ŭ (ъ), Ab.-Gen. s. -ŭ (оу), Dat. s. -ов-і (оки), Nom. pl. -ов-е (оке); вообще всѣ вновь сложившіяся окончанія начинаются с гласнаго не-небнаго (ŭ, ŭ, о, у).

Тип 4. продолжает тип 4. прааріоевропейскаго состоянія. Признаки: Nom. s. -ĭ (ь), Ab.-Gen. s. -ī; всѣ окончанія начинаются с гласнаго небнаго.

В типъ 3-ем остались теперь, в состояніи праславянском, только имена мужскаго рода. Из типа 4-го исчезли имена средняго рода и остались только мужскаго и женскаго. В типъ 1а и 1б преобладают имена женскаго рода, хотя есть в нем незначительное количество и муж. р.; типы же 2а и 2б содержат в себѣ по прежнему masculina и neutra.

Уже в состояніи праславянском прежде всего окончанія Nom. s. ассоціировались тоже с представленіями родовыми; а с femininum, ŭ (ъ) с masculinum, о или е с neutrum.

II. группа основ прааріоевропейскаго состоянія, группа согласных основ, при переходѣ в праславянское состояніе, лишилась многих частных типов, но все таки сохранились типы:

- ŷ || -iv- (-ы || -ьв-), femin.,
 -ti || -ter (-тн || -тер-), femin.,
 -mŷ || -men- (-мы || -мен-), mascul.,
 -me || -men- (-ма || -мен-), neutr.,
 -o || -es- (-о || -ес-), neutr.

Одним из общих признаков всѣх этих типов является окончаніе *-e* в Ab-Gen. s.

С морфологической точки зрѣнія, в этой группѣ сохранились древнія отношенія с незначительными видоизмѣненіями.

Сравнивая теперь между собою двѣ большія группы праславянскаго состоянія, группу I. и II., в отношеніи къ соотвѣтствующим им группам состоянія прааріоевропейскаго, мы можем установить слѣдующіе характеристическіе признаки обѣих этих групп:

В группѣ I.:

Nom. s. = основа + окончаніе.

Окончаніе Ab-Gen. s., с фонетической стороны, является продолженіем дифтонга или же долгаго гласнаго, с морфологической же стороны содержит в себѣ часть прежней основы и прежнее окончаніе.

в группѣ II.:

Nom. s. < основы (короче основы).

Окончаніе Ab-Gen. s., с фонетической стороны, является продолженіем краткаго гласнаго, *e* (*es*), с морфологической же стороны, равняется одному только прежнему окончанію.

Отличительные же признаки развитія от состоянія прааріоевропейскаго къ состоянію праславянскому состоят в слѣдующем:

В группѣ I

произошло морфологическое сокращеніе основ в пользу окончаній.

в группѣ II

произошли одни только фонетическія сокращенія цѣльных падежных форм, но морфологическія границы между основою и окончаніем остались без измѣненія.

В этот період развитія склоняемых форм выработался общій тип окончанія: *каждое обще-славянское окон-*

чаніе должно содержать в себѣ по крайней мѣрѣ один гласный, с котораго оно и начинается.

Затѣм, во все продолженіе обособленной жизни славянскаго языкового матеріала мы можем различать три періода в развитіи типов склоненія:

1) разсмотрѣнный выше період морфологических различій, отражающихся в памятниках древнецерковнославянскаго языка и отчасти тоже в древних памятниках других славянских языков;

2) період распределенія склоненія по родовым различіям, свойственным почти всѣм нынѣшним языкам славянским;

3) період замиранія основ склоненія, до котораго дошел болгарскій языкъ.

Переходу выше охарактеризованнаго перваго общеславянскаго періода во второй період способствовал прежде всего фонетическій процесс исчезновенія конечных гласных ѣ (ъ) и ї (ь).

Благодаря этому фонетическому процессу, с одной стороны, появились формы с окончаніем *нуль* или без всякаго окончанія, с другой же стороны, произошло фонетическое отождествленіе основ с именительными падежами (Nominativ'ами) многих существительных, принадлежащих к I-ой группѣ.

Благодаря тому же фонетическому процессу, продолженіе древних морфологических различій типов склоненія стало еще менѣ возможным, и произошла новая группировка типов склоненія, новое распределеніе существительных по отдѣльным группам. При этом на первый план выступило, как признак типов, сочетаніе или ассоціація извѣстных окончаній (включая сюда тоже нуль окончанія или отсутствіе особаго окончанія) с родовыми различіями.

И вообще разные признаки семасіологическіе и лексическіе взяли теперь перевѣс над признаками чисто морфологическими, так что мало по малу совершился переход от распределенія типов склоненія по чисто морфо-

логическим признакам к их распределенію по признакам семасіологическим и лексическим.

Но рядом с этими новыми типами склоненія на семасіологической и лексической подкладѣ продолжают существовать остатки (пережитки) древних морфологических различій. С этой точки зрѣнія слѣдует замѣтить:

1) что произошло смѣшеніе продолжателей древних типов. Древняя группа II., продолжавшая прааріоевропейскія согласныя основы, совершенно исчезла и поглощена продолжателями типов из I-ой группы. Вообще же берут перевѣс продолжатели 1-го и 2-го отдѣла I-ой группы над продолжателями других отдѣлов. Отдѣл 3. смѣшался с 2а, отдѣл 4. с отдѣлом 1б.

2) Древними чисто морфологическими различіями воспользовались для совершенно иных, семасіологических цѣлей. Довольно указать на распределеніе окончаній *Ab-Gen. s. m. -a* и *-u(y)* в языках русском, польском и т. д., окончаній, происходящих из типов 2. и 3., но связанных теперь с отгѣнками значенія данных существительных. Точно также сюда относятся разныя окончанія *Nom. pl.*, в зависимости от различія личности и безличности, одушевленности и неодушевленности и т. д.

3) Выработались однакож и новыя чисто морфологическія различія типов склоненія, но различія, основанныя на других началах. Так напримѣр, в нѣкоторых из славянских языков весьма важную роль играет различіе основ с послѣдними согласными „твердыми“ и „мягкими“, различіе между основами с послѣдним согласным, видоизмѣняющимся в связи с измѣненіем значенія или падежа (видоизмѣненіе с психической ассоціаціей), и основами с послѣдним согласным, лишенным возможности видоизмѣняться. Затѣм, различаются основы, в которых послѣдній гласный (т. е. гласный, предшествующій конечному согласному основы или же конечной группѣ согласных) остается во всѣх формах без психически опредѣленных измѣненій, от основ, в которых послѣдній гласный видоизмѣняется (напр. польск. *ród* — *rodu*, чешск. *bůh* — *boha*,

словинское *bŭg* — *bogá*, малорус. *ніч* — *ночи* ...). Важную роль играет видоизмѣняемость основ со стороны количества: в языках, отличающих краткіе и долгіе гласные, различаются основы, сохраняющія одни и тѣ же гласные во всѣх формах, от основ, представляющих, смотря по формѣ склоненія, гласный то краткій, то долгій. Во всѣх же славянских языках существует чередованіе основ, являющееся послѣдствіем развѣтвленія древних гласных *ŭ* (*ъ*) и *ĭ* (*ь*) на нуль и на опредѣленный гласный, так что одна и та же основа является в двух видоизмѣненіях, то с гласным, то без гласнаго (напр., русское *сон* — *си-а*, *пень* — *ни-я*..., польск. *pień* — *pi-a*...). Наконец, в языках, обладающих еще морфологическою подвижностью ударенія, различаются типы основ с неподвижным удареніем и типы основ с удареніем подвижным.

Крайним предѣлом развитія основ является полное смѣшеніе типов склоненія, сращеніе основ с окончаніями в одно морфологически недѣлимое цѣлое, появленіе одного общаго „падежа“ (*casus generalis*) и, при исчезнувшей потребности флексіи, послѣдовательное возмѣщеніе всѣх без исключенія окончаній синтаксически отдѣлимыми приставками или падежными опредѣлителями, так называемыми „предлогами“ (*praepositiones*). Этот стадіум развитія равносильен полному исчезновенію категоріи основ склоненія в их прежнем значеніи и появленію новых основ, продолжающих прежнія цѣльныя формы и сочетающихся не с окончаніями, но с *представками*, с начала синтаксически отдѣлимыми (связь свободная), и затѣм синтаксически неотдѣлимыми (связь постоянная и зародыш новых форм склоненія на новых началах).

В славянской области до подобнаго состоянія почти уже дошел язык болгарскій, в котором сохранилось вообще только отличеніе формы *singularis* и *pluralis*, да кромѣ того продолженіе древняго звательнаго падежа (*Vocativus*) с особым окончаніем, т. е. как раз того падежа, который первоначально, в состояніи прааріоевропейском,

равнялся просто основѣ без всякаго особаго формальнаго признака, т. е. без всякаго окончанія.

Ускоренію этого перехода морфологической стороны языка из состоянія „синтетическаго“ или централизованнаго в состояніе „аналитическое“ или децентрализованное способствует в значительной мѣрѣ этнографическое смѣшеніе с каким нибудь другим племенем.

С.-Петербург.

И. Бодуэн-де-Куртенэ.